

те с тем Энгельс подчеркивает не вполне тождественный, а скорее антиподный характер связи (но связи!) алхимии с официальным средневековым христианством. Алхимия выступает дальней, может быть, даже уже не вполне христианской, в известной мере еретической периферией средневекового мира. «Практические» потенции алхимии взяты в кавычки не случайно. Золото — лишь повод для космос-созидающих построений; практика же алхимиков в некотором роде квазипрактика⁷. Наипервейшей вещью была картина герметического мира, и только потом картинка мирка металлических превращений. Хотя первое — всенепременно в форме и в терминах второго.

Б. Н. Меншуткин считал, что «алхимия, первоначально стоящая на почве наблюдаемых фактов, мало-помалу превратилась в мистическую литературу, отчасти религиозного характера, переполненную таинственными секретами» (1937, с. 55). Между тем в силу особенностей средневековой культуры алхимики никогда не стояли «на почве наблюдаемых фактов», хотя и пользовались результатами собственных наблюдений. Цель была практической, «почва» совсем другая — средневековое мироощущение. Исходить из наблюдаемых фактов, из самой природы — это уже новое время. Согласно Дж. Л. Китреджу, «поздняя алхимия как в старом, так и новом свете не создала, по существу, ничего, что могло бы перейти в химическую науку» (Kittredge, 1927, IX [3], с. 440—445). Не только поздняя, но и ранняя алхимия не была, да, вероятно, и не могла быть непреложным основанием для химической практики, потому что она была иным. Поэтому даже такое поразительное высказывание К.-А. Райхена — алхимия есть «тот катализатор, который вызвал век открытий в Европе» (Reichen, 1963, с. 21), — тоже неверно, ибо катализирующая функция алхимии в ином: она — преобразователь средневекового мышления. Но такой, впрочем, преобразователь, когда и сама алхимия преобразуется — станет химией нового времени, вернее, уступит ей свое место, не будучи ее прямой предшественницей.

Аскетически-горячечный образ алхимика, нарисованный Герценом, точно схватывает историческую действительность. Правда, не всю действительность. Не напрасно спорят историографы эллинистического, греко-египетского герметизма. Р. Фестюжье (Festugiere, 1944—1954) не находит и следа культовых действований в герметических текстах, считая эти тексты только литературой — не литургией. Р. Райценштейн (Reitzenstein, 1904) склонен к иному, подчеркивая *сакральный* кастовый характер *герметического братства*. Между тем сам предмет дает к тому и другому достаточно веские основания. Легче всего, однако, всю проблему свести к констатации алхимии как вульгарно-эклектической смеси отголосков платонических, пифагорейских, стои-

⁷ Целью трансмутации при определенных обстоятельствах могло оказаться и *серебро*, и даже *железо*. Тогда именно эти металлы были бы целью совершенствования. Однако не столько металлов, сколько самих совершенствователей. Почти тождество миростроительства самостроительству. С акцентом на последнее.